

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-166-190

**ПИСЬМА К. Д. БАЛЬМОНТА К И. С. ШАЙКОВИЧУ (1935–1938)
ПИСЬМА Е. К. ЦВЕТКОВСКОЙ К В. П. И И. С. ШАЙКОВИЧАМ (1935)**

**(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© К. М. АЗАДОВСКОГО)**

*(Окончание)**

69

Clamart. 1935. 7 янв<аря>. Вечер.

Дорогой друг
Иван Степанович,

В зачаровании и спешке работы пленительной, — по священному желанию Беатрисы Нобль, я перевожу целиком книгу стихов ее сестры Лилли,¹ и весь декабрь был этим захвачен, — я мало писал Вам эти последние недели. Замучился. Назначил себе сам две недели отдыха. На днях напишу Вам длинное письмо.² А сейчас, к русскому Новому Году, пишу хоть несколько строк. Посылаю свои новогодние стихи (м<ожет> б<ыть>, уже посылал их Вам?): «Герб Ночи»³ и уже напечатанные 31-го дек<абря> «Брат и Сестра»,⁴ — а также чудесные стихи Лидии Нобль: «Сад воспоминаний»,⁵ «Ненаписанная песня»⁶ и «После слушания Зигфрида».⁷

Дорогой Валентине Петровне и Вам, дорогой наш Иван Степанович, от всего сердца Константин и Елена шлют пожелания счастья — наконец, удачи и счастья — в Новом Году, который да озарит Светом Гармонии Югославию и Россию.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ О Лилли и Беатрисе Нобль см. прим. 11 и 12 к п. 11.

² Письмо не было написано, очевидно, из-за болезни Бальмонта, вскоре начавшейся и длившейся в течение продолжительного времени (см. п. 70, 72, 73 и 74). «Последнее Ваше письмо было от 7-го января, — писал Шайкович Бальмонту 17 февраля 1935 года. — В нем Вы сказали: „На днях напишу Вам длинное письмо“, но так как не последовало ни большое, ни маленькое, мы с Валентиной Петровной очень озабочены, благополучно ли все у Вас. Как можно скорее хотели бы мы знать, здоровы ли вы все».

³ Стихотворение Бальмонта «Герб ночи» («Семь звезд, наверху и налево...») напечатано в составе цикла «Ночное зрение», состоящего из двух стихотворений (Последние новости. 1935. 13 янв. № 5043. С. 4; второе стихотворение — «Две сестры» («Светловолосая Заря...»); в конце печатного текста — дата: «1934, 9 октября»).

⁴ Последние новости. 1934. 31 дек. № 5030. С. 4. На стихотворения, посланные Бальмонтом вместе с этим письмом, Шайкович откликнулся 17 февраля 1935 года: «С наслаждением мы прочитали Ваши приложения: „Брат и сестра“ (как хорошо: «По весне, в зеленой роще, как пора траве цвести, ты замедли на пути» и т. д., это прямо звучит глубина «Калевалы»), затем „Ночное зрение“ (прекрасно: «Неизъяснима никогда черноволосая богиня» и т. д. Что-то магическое во всех этих стихотворениях)».

⁵ Последние новости. 1935. 17 июня. № 5197. С. 4.

⁶ Стихотворение Л. Нобль «Ненаписанная песня» («Мои стихи — мое дитя...») в переводе Бальмонта сохранилось в архиве Шайковича. Публикация не выявлена.

* Начало публикации см.: Русская литература. 2017. № 4. С. 70–112; Русская литература. 2018. № 4. С. 159–190. В заключительную часть введены три послания Е. К. Цветковской к И. С. и В. П. Шайковичам с подробным описанием состояния Бальмонта во время его тяжелой болезни в 1935 году. Номера этих писем отмечены звездочкой.

⁷ Стихотворение Л. Нобль «После слушания Зигфрида» («Вот лес, где я люблю бродить одна...») также имеется в архиве Шайковича. Публикация не обнаружена. В ответном письме Шайкович назвал эти переводы «прекрасными». «Как заражают ее милые стихи жизнью, — писал он Бальмонту 17 февраля 1935 года. — Да, подлинное, истинное творчество бессмертно. Это сила, переливающаяся из души в душу: сила — растущая, дающая постоянно плоды. Из души вырастает душа, из творчества — творчество».

70*

Clamart. S<eine et Oise>,
60, rue Cécile Dinant
1935, 11. IV.

Дорогие друзья,

Ваши чуткие сердца почувствовали верно через пространства. Над нами жуткая и страшная беда. Мой Солнцесветлый, мой единственный тяжело болен. Сильное нервное расстройство, грозящее перейти в психоневроз, если не лечиться немедленно. А он не сознает грозности своей болезни, лечиться не хочет, отдых в Maison de Santé¹ отвергает. Страдает и мятется, мятется, мятется. И я с ним, но страдаю, быть может, больше, потому что *знаю* угрозу, а он не знает. Жизнь стала нависшим угрожающим мраком. Тоска невыразимая. И при этом нищета в точном смысле этого слова.²

И дочь с двумя своими малютками³ — из которых младшая 1½-годовалая только что умирала от четырех последовательных воспалений легких и сейчас не поправляется, а гаснет и чахнет от недостатка питания — гибнет, голодает...

Я тоже дошла до предела изнурения, но еще держусь. И все же хочу верить, верю в Рассвет.

Дорогой и чующий друг Иван Степанович, овейте моего бедного Поэта Вашим словом озаренного сердца и скажите ему, внушите верным словом сильного брата, что во имя всех, кого озарил и заговорил он своим творческим словом, он должен принять временное и немедленное отлучение от жизни, заточение в стенах санатория, во имя исцеления своего тела и духа.

Простите за убогую бумагу и неверный почерк — пишу в маленьком ночном кафе, куда тревожный дух, вселившийся в К<онстантина> Д<митриевича>, завел нас.

Простите и за грустные и горькие вести, душа, как в гробу, заживо погребенная.

Светлые родные души, внесите Ваши моления об исцелении того, кто *должен* быть светом и звуком.⁴

Да хранят Вас порывы благие.

Всем сердцем Ваша

Е. Бальмонт.

¹ Санаторий (фр.).

² «Мы в беде великой и в нищете полной, — писала Е. К. Цветковская В. Ф. Зеелеру 6 апреля 1935 года (из Кламара). — Иван Ст<епанович> Чекунов говорил мне, что Вы хлопчете о возможностях денежных помещения К<онстантина> Д<митриевича> в Orly, что воистину с болью чувствую с каждым днем все необходимее. <....> Завтра не знаю, на что буду его кормить, а в понедельник, боюсь, закроют газ, за который нужно 97 фр. внести. У К<онстантина> Д<митриевича> нет ни ночной рубашки приличной, ни ночных туфель, ни пижамы. Гибнем, дорогой друг, если можете, помогите, посоветуйте, взгляните на К<онстантина> Д<митриевича>. <...> Сил больше нет. Душа болит. Мысль мятется в неизвестности. <...> Помогите вырвать из мятельной мглы Солнечного» (Columbia University. Rare Book and Manuscript Library, New York. The Bakhtmeteff Archive. Manuscript Collection (далее — BAR). Ms Coll. V. F. Seeler. Box 10). Упоминается И. С. Чекунов (1874–1956), врач, специалист по нервным и внутренним заболеваниям; масон. См. о нем подробно: Российское зарубежье во Франции 1919–2000. Биографический

словарь: В 3 т. М., 2010. Т. 3: С–Я. Дополнения / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. С. 472.

³ У М. К. Бальмонт было к тому времени две дочери: Оксана (род. в марте 1932 года) и Анна (род. в июле 1933 года). Ср. прим. 1 к п. 28 и прим. 3 к п. 44.

⁴ «Дорогой друг и брат-поэт! — отозвался Шайкович в своем пасхальном письме-поздравлении от 25 апреля 1935 года. — Мы молим Бога, чтобы вернул Вам бодрость и радость. Берегите себя для Ваших дома, для нас — Ваших друзей, для Вашего народа! Нам скучна жизнь без Вас. Ваше слово нам помогало в ужасных трудностях жизни. Ваш пример, Ваше умение стоять над пошлостью и мелочами жизни нас всегда заражали, и мы вставали „из мертвых“. Не оставьте нас, великий друг! Берегитесь, лечитесь, если надо, чтобы жить для себя и для нас всех, любящих Вас! Обрадуйте нас доброй вестью. Горячие наши молитвы мы с женой шлем и сегодня Господу за Вас и Ваш дом! Христос воскрес!»

71

Epinay-sur-Seine
Beau Séjour, Maison de Santé
1935. 1 июня.

Христос Воскресе, любимая моя сестра во Христе, Воистину Воскресе!

Христос Воскресе, драгоценный друг мой и брат Иван, Воистину Воскресе! Поцелуйте от меня верную Ариадну Вашу,¹ сестру мою Валентину! Да благословит Вас милосердный Создатель!

Дорогой Иван Степанович, напишите моему литовскому *звездному брату* два слова. Он ответит Вам дивным письмом на отличном русском языке. Его адрес: *M. Vaitkus, Rotušes Aikštis* <так!>, 6. *Kaunas Lietuva*.² Он написал увенчанную гениальную драму «*Zvaigždes Dukter*»³ («Дочь Звезды»), великолепную повесть «Поток» (изумительная повесть), чудесные печатает солнечные, лунные и звездные стихи⁴ и превосходно переводит меня.⁵ *Его письма ко мне, вместе с Вашими и Шмелева, и 3-х любимых женщин я всегда ношу с собой в карманах — да охраняют меня!*⁶

Милый брат мой сербский, я восхищен Вашими проникновенными переводами Пушкина⁷ и «Калевалы». ⁸ Вейнемейнен Вам родной,⁹ я, ликуя, читал Ваши перепевы. Как дивно близко Вы переводите!

У меня есть подлинник и финско-русский словарь, и плохенький самоучитель финского языка — еще Таня Осипова (ах, нехорошо, Вы не навестили ее мать, любимицу мою,¹⁰ всегда по 3 ее тонких письма ношу на сердце, в левом кармане вестона,¹¹ драгоценная душа, Золотая, Избранная! Вы одновременно ушли <так!> в СПб. и, м<ожет> б<ыть>, проходили рядом в фойе Театра! Ее зовут Евгения Ал<ександ>р<овна>, адрес: Terijoki Käkösennä. ¹² Таня мне послала их за 3–4 месяца до смерти<)>.¹³ Буду Вам безмерно благодарен, если пошлете мне хорошую грамматику фин<ского> языка. Ваш серб<ско>-рус<ский> словарь многому меня научил.

Ваш прозревший

К. Бальмонт.¹⁴

¹ Ариадна в античной мифологии символизирует не только женскую верность, но и готовность прийти на помощь в трудных жизненных ситуациях.

² М. Вайткус. Каунас. Ратушная площадь, 6. Литва (*литов.*).

³ Правильно: Žvaigždės duklė. Драма М. Вайткуса (1922).

⁴ Вайткус Миколас (1883–1973) — литовский поэт и драматург; католический священник. В 1944 году бежал из Литвы, позднее эмигрировал в США, где и умер. Бальмонт упоминает его драму «Дочь Звезды» (1922) и роман «Потоп» («Tvanas», 1925). Бальмонт переводил стихи М. Вайткуса и неоднократно их публиковал (см.: Из книги «Светящаяся пыль» <4 стихотворения> // Сегодня. 1933. 22 сент. № 262. С. 2; Дали (из М. Вайткуса) // Последние новости. 1935. 1 сент. № 5274. С. 4).

⁵ «Он отлично переводит некоторые мои стихи...», — писал Бальмонт о переводах Вайткуса 19 октября 1933 года А. Ветуолису (см.: *Сакалавичюте К.* «Вы — крестный отец этого стиха...» Литературные связи Константина Бальмонта и Антанаса Ветуолиса-Жукаускаса // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. IX. Литература и печать. Свидетельства. Искусство. Философия, наука и образование. Вильнюс, 2005. С. 80). Там же (с. 88) — справка о переведенном Вайткусом стихотворении Бальмонта «Имени смелых» (1934) и его публикациях в литовской печати.

⁶ «Напишу Вашему другу Вайткусу, — откликнулся Шайкович в письме от 6 июня 1935 года, — пошлю ему книги. Я люблю литовцев, энергичных, верующих в себя. Растопыривших свои крылышки перед пастью немецкого бульдога: „Любовь к родине сильнее смерти и страха смерти!“ На калевальских празднествах я познакомился с очень симпатичным каноником и переводчиком „Калевалы“ Сабалиаускасом. Какая светлая, ясная душа! Упомянуты: столетний юбилей «Калевалы», широко отмечавшийся в 1935 году, и литовский каноник, фольклорист и переводчик Адольфас Сабалиаускас (1873–1950).

⁷ К 1935 году Шайкович опубликовал в югославской периодике несколько стихотворений Пушкина в своем переводе и выпустил в Хельсинки переведенную им «Полтаву»: *Пушкин А. С. Полтава. Епски спев / Превео Иван С. Шајковић. Хелсингфорс: Издање друштва «Мајка — земља», 1935.* Бальмонт читал перевод Шайковича в рукописи еще в конце 1933 года и назвал его «дивным» (см. прим. 3 к п. 54). «„Полтаву“ Вы получили, — писал Шайкович Бальмонту 17 февраля 1935 года. — Может быть, Вы не простите мне, что она без рифм. Я умышленно передал ее белыми стихами, потому что мне было дорого каждое слово Пушкина в этой вещи. Я пожертвовал рифмой, чтобы сохранить подлинность мысли и чувства, и это, мне кажется, удалось мне вполне».

⁸ См.: Калевала. Фински народни епос. Књига прва / Превео с финског д-р Иван С. Шајковић. Хелсинки: Штампарија «Литера», 1935. Издание открывалось предисловием переводчика. (Вторая книга в переводе Шайковича была издана в Хельсинки в 1939 году.) «Очень рад, что Вам нравится мой перевод „Калевалы“, — отвечал Бальмонту Шайкович 6 июня 1935 года, — я сам убежден, что этот перевод более чем хорош. Это еще многие знают, но не хочет знать убогая душонка А. Белича, который не счел нужным ответить финским профессорам, рекомендующим ему мой перевод как один из лучших истинно поэтических переводов бессмертной „Калевалы“. Что ж, время оценит и Белича».

⁹ См. прим. 6 к п. 6.

¹⁰ О Тане Осиповой и ее матери, Е. А. Осиповой, см. прим. 4 и 5 к п. 3, прим. 2 и 3 к п. 8 и п. 76.

¹¹ Пиджак, куртка (*фр. veston*).

¹² Тот же адрес Бальмонт сообщал Шайковичу в п. 3 и 8.

¹³ «Буду ли в Териоках, навещу мать Вашей незабвенной Феи Золотоволосой, — отвечал Шайкович на эту просьбу Бальмонта (письмо от 6 июня 1935 года). — Очень хорошо я понимаю Вашу забываемую мечту».

¹⁴ Все письмо написано чужой рукой (видимо, под диктовку Бальмонта).

72*

Clamart. 60, Rue Cécile Dinant,
1935, 8, VI.

Дорогие друзья
Валентина Петровна и Иван Степанович,

Уже много-много дней я хочу, и все не в силах была, написать Вам о своей беде и великой боли.

После нескончаемых недель самосожжения — умственное, душевное и нервное напряжение Константина Дмитриевича дошло до последней черты, и он, наконец, уступил убеждениям врача и просьбам моим и всех друзей, и согласился на пребывание в *maison de repos*.¹ И вот с 13-го мая он там в некоем местечке Epinau sur Seine, в часе езды от Парижа и в двух часах от Clamart, в обиталище, зовущемся Beau Séjour,² которое во многом соответствует своему названию, что бывает не часто. Прекрасное поместье, дивный парк и преисполненный цветами сад, к тому же отличный стол. К<онстантин> Д<митриевич>, после первых дней бунта, сейчас очень доволен своим местопребыванием — пишет мне, что это «Рай, но Рай, в котором и мучают». В мучение

входит, конечно, определенный строгий режим, лечение и целый ряд запретов, из коих один — наимучительнейший — отсутствие свиданий. Вот уже почти месяц, как К<онстантин> Д<митриевич> там, и мы еще ни разу не свиделись, хоть езжу к нему почти каждый день, но лишь однажды видела промелькнувший его образ и слышала голос, меня звавший, — я же принуждена была к неподвижности и немоте. Это особый способ лечения нервных больных — полное отъединение от близких. Не знаю, насколько он правилен, — думается, что в такой суровой форме этот способ неверен, но приходится верить целителям (— да будут они воистину правы) — и подчиняться, как это ни больно! Но самое мучительное для меня, конечно, не это, а полная неизвестность — сколько времени продлится лечение и в чем оно заключается, и придет ли полное исцеление. Пока врачи говорят, что предполагают необходимым еще месяца два пробыть К<онстантину> Д<митриевичу> там. Впрочем, в ближайший понедельник, б<ыть> м<ожет>, эти вопросы выяснятся несколько определеннее — в этот день навестит К<онстанина> Д<митриевича> главный его врач, который и поместил К<онстанина> Д<митриевича> в этот «Beau Séjour», — этот врач не видел своего пациента уже 3 недели — ждал некоторого успокоения К<онстанина> Д<митриевича>, чтобы точнее можно было установить размер недуга.

Сам К<онстантин> Д<митриевич> *больным*, конечно, себя не считает, но теперь уже не выражает желания покинуть свой Рай. Так что, когда будете ему писать, — *не сочувствуйте ему как больному*, а лишь *одобрительно* радуйтесь, что К<онстантин> Д<митриевич> отдыхает. И пишите, пожалуйста, *на мое имя*, т<ак> к<ак> в Maison de Santé избегают больным передавать письма, чтобы не вызвать излишнего волнения, и письмо Ваше легко может там затеряться, я же или передам лично К<онстантину> Д<митриевичу>, — т. е. надеюсь, что все же с понедельника мне разрешат свидания более или менее правильно,³ — или вложу Ваше письмо в свое, которые доставляются К<онстантину> Д<митриевичу> правильно верным слугой учреждения, которому я вручаю свои письма непосредственно.

Вы чувствуете, дорогие друзья, как мне трудно, больно, бесприютно и бесконечно тревожно. Не знать, в сущности, ничего-ничего-ничего о том, в ком — вся жизнь. Не знать, плохо ему или хорошо, хуже или лучше, чем было со мной, ибо верить ведь нельзя ничему, ни тому, что он сам пишет, ни еще менее тому, что говорят врачеватели. Это страшнее даже, чем Че-ка, ибо о ней ничего, кроме предельных ужасов, не должно думать.

Но, простите, я, б<ыть> м<ожет>, кощунствую — ведь врачеватели клянутся, что заботятся лишь о благе Константина Дмитриевича, — *я должна верить*.

Трудно и другое — оплата maison de santé вместе с посещениями врача, котор<ый> живет в Париже, стоит 1500 fr. в м<еся>ц. У нас, конечно, таких денег нет, ни у Союза Писателей, котор<ый> в лице секретаря⁴ принял на себя хлопоты по добыванию нужных монет, обращаясь для этого к частным богатым людям.⁵ Первый месяц удалось таким образом оплатить. Но близится уже второй платеж, а монет пока не поступило никаких.

А ведь, кроме оплаты санатория и врача, есть еще целый ряд других неизбежных трат, связанных с нуждами больного. И вот, дорогие друзья, я хотела Вас просить, если есть какая-либо возможность устроить какой-ниб<удь> сбор на лечение К<онстанина> Д<митриевича> среди друзей творчества Бальмонта в Гельсингфорсе — если в каком-либо смысле Вам это возможно осуществить — то сделайте.

Вы знаете, что мне очень тяжело тревожить Вас этой просьбой, но делаю это во имя Поэта и знаю, что если малейшая возможность у Вас есть способствовать этому сбору, — Вы сделаете. *Если же невозможно — то так и да будет*. Только пусть К<онстантин> Д<митриевич> ничего об этом не узнает, сейчас во всяком случае, ибо потом, когда он поправится, он сумеет оценить все благие веяния сердец.

Еще раз простите меня.

Как Вы оба — здоровы ли? Поправился ли Ваш сын?⁶

У К<онстанина> Д<митриевича>, в Beau Séjour, перевод И<вана> С<тепано-вича> «Полтавы» и др<угие> вещи. Он пишет, что душа его сейчас в певучей творческой волне и уже много возникло сонетов и других напевов. Жду мига услышать их.

Шлю Вам обоим свои самые светлые и ласковые мысли, чувства и приветы сердца. Да хранит Вас Благой.

Ваша Е. Бальмонт

Р. S. Дочь наша М<ирра> К<онстантиновна>, котор<ая> сейчас у меня и больна тоже — грипп, — узнав, что я пишу Вам, просит передать «большой поклон».

Буду ждать — сердцем — слов Ваших — всегда бодрящих.

Р. S. Взамен певучих строк, котор<ыми> Б<альмонт> всегда сопровождает свои письма, шлю два анютина глазка, кот<орые> он послал мне из своих садов.

Получили ли № «Последних Нов<остей>» со стихом Лилли Нобль в пер<еводе> Б<альмонта> «Зимняя Магия»,⁷ который я послала Вам недели две назад?

Одновременно шлю № «П<оследних> Н<овостей>» с «Двенадцатистрочиями» Бальмонта.⁸

¹ Дом отдыха, санаторий (фр.).

² Прекрасное место (фр.).

³ Однако спустя полтора месяца, 20 июля, Цветковская писала В. Ф. Зеелеру: «...моего поэта я так до сих пор и не видела — то ссылались на новые приступы возбуждения и раздражения (будто бы даже с развитием окна), то на успокоение. Я, конечно, совсем истерзана этим» (BAR. Ms. Coll. V. F. Zeeler. Box 10). Посетить Бальмонта Цветковской было разрешено лишь 13 августа (см. след. п. и прим. 6 к нему).

⁴ Имеется в виду В. Ф. Зеелер (см. прим. 1 к п. 46).

⁵ Пытаясь найти средства для помощи больному Бальмонту, Зеелер обращался летом 1935 года как в различные организации, так и к частным лицам. 13 сентября 1935 года он написал С. В. Рахманинову: «Уже четыре месяца Конст<антин> Дмитриевич Бальмонт находится в лечебнице для нервных больных в Эпиней под Парижем, куда удалось нам поместить его. Он очень болен, но не неизлечимо — напротив, последний месяц особенно показателен. Врачи и проф<ессор> Агаджанян (пользующий его как наш общий друг бесплатно) уверены в его полной поправке — только пребывание в лечебнице должно быть еще не меньше двух месяцев. Несмотря на все льготные условия, которых удалось мне добиться от санатории, все же ежемесячно нам приходится (а Союз взял на себя оплату лечебницы) платить от 1500–1550 фр<анков>. За первые три месяца деньги я уплатил, а за четвертый (сегодня он окончился) еще ничего не внес (спасибо — ждуть, потому-то сборы идут все труднее и труднее. Товарищи его по редакции и издательство „П<оследних> Н<овостей>“ сделали все, что могли, от друзей насобирал немного, писал и в Америку и оттуда несколько долларов получил, позанимал, где только мог, — и, повторяю, за три месяца уплатил. А дальше не знаю, что и делать. Написал в Литву, в Болгарию, пишу в Чехословакию (ведь всюду он переводил поэтов местных), грузинам написал — пока молчат. Вот уже и подошел к крайним средствам, к источникам, которых не хотел беспокоить. Пишу вот Вам и просто спрашиваю: Вы ведь знаете, кто такой Бальмонт, нельзя же оставить его нам без помощи — и ежели откликнетесь на наш призыв о помощи — будем Вам очень и очень признательны. Не сердитесь на меня, вот и Вам написал, но что же делать: уж очень понятен мне долг наш — спасти погибающего поэта русского» (BAR. Ms. Coll. V. F. Seeler. Box 10). Упоминается врач-невропатолог Карп Сергеевич Агаджанян (1876–1955), член правления Общества русских врачей имени Мечникова во Франции; масон. Отдыхавший в то время на вилле под Люцерном, Рахманинов ответил Зеелеру 27 сентября 1935 года: «Извините за поздний ответ и за вынужденный отказ от Вашей просьбы. Хотя к письму чек и приложен, но сумма его так разнится от просимой Вами, что ответ мой равносителен отказу. В настоящее время я, к сожалению, должен сокращать свои посылки, а не увеличивать их» (Там же).

⁶ Имеется в виду Игорь, старший сын Шайковича (см. прим. 11 к п. 1 и прим. 6 к п. 37).

⁷ Последние новости. 1935. 19 мая. № 5169. С. 4.

⁸ Цикл из четырех стихотворений: 1) Светящаяся пыль («Далеко, далеко сапфировое поле...»); 2) Благостыня («Отчего так ласков синий...»); 3) Клич («Клич верховный...»); 4) Емкость дня («До полдня я всегда ловлю сходженья...») (Последние новости. 1935. 28 мая. № 5176. С. 4).

Paris (14-e).
26, rue des Plantes.
1935, 17, VIII.

Глубокочитимые и дорогие друзья
Валентина Петровна и Иван Степанович,

Простите меня, пожалуйста, что я так долго Вам не отвечала, хотя несколько раз послала Вам №№ «Посл<едних> Нов<остей>» с вещами К<онстантина> Д<митрие-
вича>.

Жизнь моя эти месяцы такая многотрудная, хлопот<н>ая и главное, мучительно-тревожная, что берет все время и все силы, которых стало слишком мало.

Спасибо Вам от всего сердца за оба Ваши ласковые письма¹ и за приложение к последнему (от 23-го VII),² — которое было в точности спасительным в дни полнейшей нищеты и всеобщего разъезда из Парижа. Спасибо.

К<онстантин> Д<митриевич> тоже получил одно Ваше письмо, адресов<анное> в maison de santé,³ был им очень счастлив и, по видимости, и «приложение», — в точности я не могла этого выяснить, он, вероятно, или потерял его, или подарил кому-нибудь — вспомнить не мог, — такова судьба теперь всего почти, что ему приносишь или посылаешь, — куда-то бесследно исчезает, кроме писем, которые он читает-перечитывает и четко хранит в памяти и сердце, и видит их во сне, — и потом рассказывает как виденный сон, а перечитывая вновь ранее полученное письмо, изумляется на провидчество своего сна. Это очень жуткая для слушающего перестановка во времени действительности и сновидения, — и их преображенное бытие делает из его теперешнего мировосприятия в точности драму Кальдерона «Жизнь есть сон», им переведенную когда-то,⁴ а теперь всечасно переживаемую.⁵

Состояние К<онстантина> Д<митриевича> очень тяжелое — хотя он сам этого, к счастью, не сознает и не чувствует. Улучшения за эти три месяца санатория не произошло, и даже, скорее, ухудшение. Хотя врач и пытается меня уверить в «некотором, хотя и замедленном улучшении», но это заверение, к сожалению, слишком очевидно не совпадает с действительностью, явно обратной. Улучшение и некоторое успокоение произошли в первый месяц пребывания К<онстантина> Д<митриевича> в санат<ори>. А потом произошел резкий поворот к худшему,⁶ страшная вражда и раздражение к учреждению, котор<ое> он раньше называл Раем. И что самое печальное и отнюдь не допустимое в лечебном заведении, что раздражение больного, которого от этого и должны лечить, вызывает и в персонале учреждения раздражение против больного, — что не должно, но что, говорят, везде в подобных заведениях, неизбежно. Этот maison de santé — один из лучших в Париже, но условия быта больных никак не могут не вызвать раздражения, а в особенности в таком, по природе своей, воспламеняющемся и вспыхивающем существе, как Бальмонт. Это, скорее, быт казармы или даже тюрьмы, при котором *Личность* почти исключена. Личного ухода никакого, это по отношению к существу, каждый миг которого был окружен уходом и лаской. И, в конце концов, даже лечения никакого. Даже не могут достигнуть, чтобы Б<альмонт> брал ежедневно ванны, которые ему необходимы. А плата огромная — около 2000 в месяц. Присем собрано было, и то не целиком, лишь на один первый месяц, для второго и третьего пришлось сделать заем, — правда, это сделал на свое имя и ответственность секретарь нашего здешнего Союза Писателей — человек глубоко сердечный и самоотверженный, но восстанавливать сии долги необходимо, и оплачивать уже наступивший четвертый месяц — неизбежно, ибо доктор настаивает на необходимости продления санатория и отказывается дать разрешение взять Поэта. А приходов ниоткуда никаких.

Даже единственный наш жизненный оплот, дарованная нам незабвенным и благим королем Вашим Александром пенсия в 600 fr, обычно выдававшаяся 1-го числа, доселе не могла быть выдана. Но здешнее посольство успокаивает нас, что это не ли-

шение, а лишь замедление ввиду смены министерств. Да притом эта основная наша сумма уходит целиком на неизбывную повседневность — которая все же продолжает существовать. У меня же убеждение и сердца, и мысли, что пока К<онстантин> Д<митриевич> будет в этом учреждении, он не успокоится и не поправится. Но и взять его домой, сюда, в Париж, на шум, голод и нищету, тоже невозможно. Для спасения К<онстантина> Д<митриевича> нужны деньги, а их нет. Все кошельки теперь побыстрей и потуже закрываются.

Так что видите, дорогие друзья, положение наше в точности трагическое, и душа, и мысль, и сердце в тисках пытки, тревоги и боли несказанной.

Простите, что говорю так искренне и не прячусь в общие фразы, — иначе не могу или должна молчать.

Я хочу, я должна спасти моего Единственного, Солнцеданного России. Или вместе погибнуть, но не в тюремном, пыточном для обоих, разлучении.

Видеть К<онстантина> Д<митриевича> мне по-прежнему разрешают очень редко — общепсихиатрический метод, не принимающий психологических уклонов, что причиняет большое зло больному и с чем борюсь, но почти бесплодно.

В последний раз я видела Поэта 13-го августа. Со мною он тих, спокоен, озарен и ласков. Но расставаться оч<ень> не хотелось ему. Все же на этот раз сумел сдержать себя и отпустить мирно, без приступов ярости и отчаяния.⁷ Но вид у него такой бедненький, во всем разорванном, ибо чинить некому, что сердце сжимается болью. И он ненавидит там всех и все молит взять его. Но духом все же бодр, — воинственен и не угнетен. Пишет стихи. Но писем не в состоянии писать. Первый месяц я получала от него по два и по три письма в день, а сейчас по две недели ни словечка. Хотя он уверяет, что пишет, но мне не передают, а слуги уверяют, что он пишет, рвет и бросает... И то, и другое возможно. Однако все мои письма и приносимые мною как письма, так и вещи он правильно получает. Так что Вы, дорогой Иван Степанович, вопреки молчанию К<онстантина> Д<митриевича>, напишите ему, каждая дружеская, любящая, помнящая строка для него оазис зеленый, которым он дышит и в котором светло грезит.

Физически К<онстантин> Д<митриевич>, т. е. телесно, все же имеет сейчас хороший вид — окреп, бодр, сильно загорел.

Мне пришлось переселиться в Париж, это было тоже оч<ень> трудно и сложно, и изнурительно, в особенности осуществляя все совершенно в одиночестве, двумя своими чахлыми руками. И адрес мой парижский в заголовке письма.

Отдыхаете ли где-нибудь летом и где? К Вам в Финляндию уехали на лето наши друзья — писатель Зайцев со своей женой.⁸ Мы с К<онстантином> Д<митриевичем> много им рассказывали о Вас. Думаю, что, вероятно, Вы встретитесь или уже.

Как здоровье Вашего сына и где он находится?

Какие вести из Белграда? — Кстати, знаете ли Вы, Иван Степанович, что в этом 1935 году, во второй половине ноября или в начале декабря, — это еще надо установить, — исполняется 50 лет литературной деятельности К. Д. Бальмонта. В одной из книжек журнала «Живописное Обозрение» за назван<ные> месяцы 1885 г. были напечатаны впервые стихи Бальмонта, тогда еще гимназиста.⁹ Чешский Сборник стихов Б<альмонта>, который, по моей просьбе, послал Вам переводчик Vylpel,¹⁰ (получили ли Вы?), — именно к этой дате приурочен. Сколь было бы хорошо, если бы можно было воздействовать на Белича, чтобы они к этой дате издали хоть одну из четырех или пяти книг, лежащих в белградском русск<ом> издательстве уже 5 лет.¹¹ Ведь они выпустили всего лишь одну книгу Бальмонта,¹² — (хотя у них лежат, кроме сборников стихов, и две книги прозы¹³) — между тем как всех остальных *минимум* по 3 книги выпустили.¹⁴ За что такая чудовищная несправедливость — неведомо.

А Ваша Муза? Пошлите Ваши песни К<онстантину> Д<митриевичу>, он будет счастлив.

Ну, простите, дорогие Друзья, теперь, что так длительно удерживаю Ваше внимание. Буду ждать Ваших строк, а пока шлем наши светлые мысли и приветы сердца. Ваша Е. Бальмонт. Всего-всего Вам доброго.

Дочь глубоко тронута Вашей памятью о ней и малютках. Она приветствует Вас обоим от всего сердца. Детки ее сейчас в Швейцарии в лучшем детском саду на даровых хлебах на 3 месяца. Это по хлопотам Лиги Наций около 150 русских детей отправлены туда на три мес<яца>.¹⁵ Это великое доброе дело — многих спасло.

¹ Имеются в виду письма от 6 июня и 23 июля 1935 года (последнее не сохранилось).

² «Приложение», т. е. чек или денежный перевод. См. прим. 1 к п. 36, п. 74* и др.

³ Возможно, письмо от 6 июня 1935 года — ответ на п. 70.

⁴ Дрaму Кальдерона «Жизнь есть сон» (1635) Бальмонт перевел в 1902 году (1-е изд.: Кальдерон П. Сочинения. Вып. 2: Философские и героические драмы... / Пер. с исп. К. Д. Бальмонта. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1902).

⁵ О тяжелом психическом состоянии Бальмонта, его «снах» и наваждениях Б. А. Зайцев рассказывал И. А. Бунину (со слов Цветковской) в письме от 3 июля 1935 года: «Бальмонт тоже неблестящ. Живет он в лечебнице близ Парижа. Там у него флигелек, в саду. Он завел роман с 75-летней сумасшедшей, подружился с фр<анцузским> поэтом, утверждающим, что имеет права на франц<узский> престол. Они учредили уже партию для восстановления того на троне. Бальмонту обещаны хорошие поместья, и нас всех не забудет. 1-го я видел в сербск<ом> посольстве Елену. Она сообщила, что Б<альмонт> на днях „влез ночью на дерево, дабы лучше расслышать соловьев, но по несчастной неосторожности свалился и повредил себе ногу“. Тон ее рассказа был таков, что для поэта вполне естественно лезть на дерево. Вот тебе и завершение „одной жизни“!» (Зайцев Б. К. Собр. соч. М., 2001. Т. 11 (доп.): Письма 1923–1971 гг. Статьи. Воспоминания современников / Сост. Е. К. Дейч и Т. Ф. Прокопов. С. 90).

⁶ Судя по письмам Цветковской, физическое и душевное состояние Бальмонта постоянно менялось. «Поэт на пути поправления, как утверждает врач, — писала она, например, 30 сентября 1935 года художнице В. А. Орловой, — и все же говорит, что считает необходимым еще месяца 3 maison de santé. Грустно это больно. Но надо верить и надеяться, и любить» (Отдел рукописей Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля. ОФ 5433/5).

⁷ Ср. в письме Цветковской к В. Ф. Зеелеру от 14 августа 1935 года: «Я видела К<онстантина> Д<митриевича> вчера 13-го августа. Пробыли мы вместе снова около 3-х часов. <...> Доктор R. de Barre, сообщая мне о разбитии стекол, говорил: „У него ночью какие-то видения (visions)“. Увы, стекла, вероятно, поставят на счет. Теперь Поэт поклялся мне, что не будет больше бить стекла ни нарочно, ни нечаянно» (BAR. Ms Coll. V. F. Seeler. Box 10).

⁸ Борис Зайцев и его жена Вера Константиновна (урожд. Орешникова; 1878–1965) совершили в июле–сентябре 1935 года путешествие в Гельсингфорс и на о. Валаам, находившийся в то время на финской территории.

⁹ В журнале «Живописное обозрение» (1885. № 48. 1 дек. С. 343) были напечатаны два стихотворения Бальмонта («Горечь муки» и «Пробуждение») и выполненный им перевод стихотворения Н. Ленау «Прощальный взгляд».

¹⁰ Ярослав Выплел (1890–1969), чешский писатель, переводчик стихов Бальмонта. В 1935 году, к 70-летию поэта, издал в Праге сборник его стихов «Z básnického díla». Предисловие к сборнику написал профессор филологического университета им. Масарика в Брно С. В. Вилинский (см.: Кшицова Д. Чешские переводы Бальмонта // Бальмонт К. Несобранное и забытое из творческого наследия: В 2 т. СПб., 2016. Т. 2: Черчу рассказ я. Проза. Душа Чехии в слове и деле / Сост., статья, прим. и комм. А. Ю. Романова; статья, подг. текстов, прим. и комм. Д. Кшицовой. С. 635). Я. Выплелу (а также Р. Медеку, Ф. Кубке и П. Жердеву) посвящено стихотворение Бальмонта «Сверчок» (1936; копия — в архиве Шайковича).

¹¹ Ср. в п. 17 (от 5 октября 1931 года): «Три мои книги в Белграде лежат без движения» и в п. 49 (от 26 сентября 1933 года): «Три мои книги, а с сербскими песнями и четыре, валяются в белградском издательстве...».

¹² Имеется в виду: Бальмонт К. В раздвинутой дали. Поэма о России. Белград, 1929 («Русская библиотека»; № 11).

¹³ Вероятно, Цветковская имеет в виду: «Зеленый Капбретон. Южная Франция. Очерки» и «Шорох жути (сборник рассказов)». Один из «стихотворных сборников»: «Былинки. Стихи для детей» (2-е дополненное издание «Фейных сказок»). Другой сборник, по-видимому — «Югославские народные песни и былины» (см. прим. 1 к п. 19). Ни одна из названных книг не была издана.

¹⁴ См. прим. 3 и 4 к п. 49.

¹⁵ Старшие дочери Мирры, Оксана и Анна, долгое время оставались в Швейцарии, где их удалось пристроить в частную семью. В письме к А. Н. Ивановой Цветковская сообщала 8 августа 1938 года: «Она <Мирра> получила хорошие вести о девочках из Швейцарии от сестры Марианны — Анечка у нее, а Оксана у ее брата, приложены прелестные снимки с Оксаночки в новом семейном окружении» (РГАЛИ. Ф. 57. Оп. 3. № 88. Л. 38). Обе девочки находились в Швейцарии еще в начале 1941 года — см. письмо Цветковской к В. А. Зайцевой от 16 января 1941 года (НИОР РГБ. Ф. 374. Карт. 11. № 34. Л. 7–7 об.).

74*

Paris, 14-e
26, rue des Plantes
1935, 27, IX

Глубокоуважаемые и дорогие
Валентина Петровна и Иван Степанович,

Сердечно благодарю Вас за посылку драгоценного труда Вашего — сербский перевод «Калевалы», за ласковое письмо со спасительным приложением 50-ти fr.¹

Простите меня, что я долго не писала, хотя и посылала Вам несколько раз «Последние» Новостии с вещами Константины Дмитриевича и приписками о здоровье Константины Дмитриевича. Не знаю, получили ли Вы их? Но мое положение эти месяцы было такое трудное, что даже на марки не имела возможности, — вернее, — что даже марки, которые иногда получала от друзей, приходилось выменивать в дружеских магазинах на насущное пропитание.

В прошлый понедельник 23-го сентября с Вашей легкой руки — ибо утром рано получила Ваше письмо, — сербское посольство выдало мне и другим писателям русским, которым помогает, нашу пенсию за август — 600 f. — и на днях обещают выдать за сентябрь. Это всех нас возродило, ибо не только дало возможность вздохнуть свободнее сейчас, но и успокоило за будущее, так как вот эта благая сербская подмога — основной оплот существования для всех нас.

Как горько было узнать о Ваших тревогах и душевных мучениях за Ваших сыновей. Хочется верить, что оба они выйдут победителями из весенних — по возрасту их — испытаний, телесных и душевных и обрадуют Вас благим расцветом.

Я верю — вопреки зримому — что даже самые страшные и несправедливые по видимости — пытки наши ведут к незримому нами Благу. Это, конечно, не устраняет острой боли переживания, но дает нам силу преодоления.

Я отложила на несколько дней свое письмо, потому что хотелось Вам написать после свидания Константины Дмитриевича с врачом, не видевшим Константины Дмитриевича около месяца. Свидание это состоялось вчера.

Врач доволен состоянием Константины Дмитриевича. Находит значительное улучшение как в его физическом состоянии, так и в нервном и душевном — большое успокоение. Находит, что Поэт на пути поправления. Но для полного восстановления равновесия считает необходимым продолжить пребывание в maison de santé еще месяца на три.

Это очень трудно и тяжело. И как удастся осуществить это — в смысле оплаты — сейчас еще не вижу. Знаю одно, что одолеть это должно. Буду стараться.

Спасибо за сведения о Кузевицком. Я как раз пыталась открыть его местопребывание сейчас — знала, что он не в Бостоне, но где — никто не знал. Если он не проезжает через Париж и мне не удастся его увидеть лично, то я, конечно, напишу ему, однако не уверена, что он достойно откликнется, хотя его и обязывало бы к тому некое священное слово, сказанное им, когда мы вместе — Кузевицкий с женой и Бальмонт — со мной и дочерью отбывали из Нарвы в 1920-м году.² Но увы, Кузевицкий с тех пор ни разу не вспомнил об этом братском своем слове, хотя имел к тому много возможностей и не раз побуждали его к этому истинные друзья Бальмонта, но... горько безуспешно.

Но попытаюсь — я уже давно это решила.

Я вижу с моим Поэтом теперь гораздо чаще, — иногда до трех раз в неделю удается, и эти свидания для нас обоих — успокоение и Ключ жизни.

В последний раз мы виделись с ним вчера. Он был озаренный и спокойный и надеялся, бедный, на скорое «освобождение» — ибо сейчас он уже устал от своего посещения и относится к нему как к заточению.

Он в большом восторге от Вашего подарка — Калевалы по-сербски в Вашем переводе.³ В следующее наше свидание, вероятно, в ближайший понедельник,

я попрошу его при мне написать Вам о ней или же продиктовать мне, если ему будет трудно самому писать.⁴

Мне еще до сих пор не удалось прочесть Поэту Ваше письмо,⁵ т<ак> к<ак> наши последние свидания были довольно кратки и прерывались посторонними людьми, медицинским осмотром и стихами К<онстантина> Д<митриевича>, котор<ые> он торопливо диктовал мне. Как он будет счастлив узнать, что Вы свиделись с Е. А. Осиповой и были в саду Тани. Знаю, что он был бы счастлив, если бы вы написали подробнее о Вашем свидании и о самом внешнем облике Е<вгении> А<лександровны> — ведь мы никогда ее не видели — даже на портрете. Я не писала ей о болезни К<онстантина> Д<митриевича>, т<ак> к<ак> не хотела причинять ей боль и огорчение, и я все надеялась, что Поэт скоро поправится и сам ей напишет.

Если Вы будете ей писать, — пожалуйста, скажите ей это. И сообщите, если можно, мой адрес теперешний. А я тоже ей напишу теперь, в первую же свободную от неотложного минуту.

И еще одна маленькая просьба к Вам, дорогой Иван Степанович, если можно, pošлите мне, пожалуйста, № 8 1935 г. «Журнала Содружества». Там напечатано стихотворение Мирры Бальмонт «Отречение».⁶ Буду Вам очень признательна.⁷

Дочь шлет Вам благодарность за память и сердечный привет. Она, бедная, все ищет какой-нибудь постоянной работы и все ничего не находит. Дети пока еще в Швейцарии.⁸ Но на днях могут уже вернуться, и тогда это будет совершенной гибелью и для нас, и, главное, для них. М<ирра> хлопочет сейчас о продлении их пребывания в Швейцарии. Уповаем, что это осуществится, — как ни тяжела для дочери разлука со своими малютками, все же это единственная возможность спасти их, а они прелестны обе.⁹

Шлю Вам и Вал<ентине> П<етровне> самые благие и светлые пожелания и приветы от себя и Поэта, всегда Вас братски любящего и помнящего.

Ваша

Е. Бальмонт.

Р. S. Были ли Вы и В<алентина> П<етровна> на выступлениях Б. Зайцева?¹⁰ И каково Ваше впечатление? Любите ли Вы его как писателя?

¹ Это письмо Шайковича (сентябрь 1935 года) в его архиве не обнаружено.

² Бальмонт и его спутницы (Е. К. Цветковская, Мирра Бальмонт и А. Н. Иванова) выехали из России вместе с С. А. Кусевским и его женой, Н. К. Кусевицкой (урожд. Ушковой). Приграничная Нарва, куда они прибыли 27 июня 1920 года, была их первой остановкой за пределами России (Нарва входила тогда в состав Эстонии). «Два дня продержали их на границе и чуть не довели этим до отчаяния...», — сообщалось в местной газете (К. Поэт Бальмонт и композитор Кусевский в Эстии // Народное дело (Ревель). 1920. 7 июля. № 1. С. 3; цит. по: Берд Р., Иванова Е. Был ли виновен Бальмонт? // Русская литература. 2004. № 3. С. 60–61). См. также: Меймре А., Богомолов Н. А. Ситуация 1920 года: взгляд из Эстонии // Donum homini universali: Сб. статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева. М., 2011. С. 192–198. Дружеские отношения, соединявшие поэта и композитора до их отъезда из России и в начале 1920-х годов, ослабели после отъезда Кусевского в США (в 1923 году).

³ Имеется в виду выполненный Шайковичем (и напечатанный им за собственный счет) перевод «Калевалы» на сербский язык (см. прим. 8 к п. 71).

⁴ Письмо, по-видимому, не было написано.

⁵ См. прим. 1 к наст. письму.

⁶ Журнал Содружества. 1935. № 8 (32). С. 25.

⁷ 14 января 1936 года в письме к Е. К. Цветковской Шайкович сообщал, что «послал М<ирре> Константиновне номер „Содружества“ с ее стихотворением по тому же старому адресу, но этот пакет не вернулся, наверно, остался на главном почтамте. Не можете ли его там получить?»

⁸ См. прим. 15 к п. 73.

⁹ Объявление о сборе средств для внушек Бальмонта появилось в газете «Последние новости» за подписью П. Н. Милокова, ее главного редактора: «Две маленькие девочки: одна — четырех с половиной лет, другая — трех, внучки знаменитого русского писателя и поэта, ныне тяжело больного, находятся в течение последних полутора лет в Швейцарии на попечении добрых людей. Теперь над ними нависла угроза — без дальнейшей материальной поддержки дети будут

отправлены во Францию к их матери, которая сама больна, без работы и без всяких средств. <...> нужны две тысячи франков, которые позволят детям остаться до будущего лета в Швейцарии. Я прошу оказать эту помощь, я обращаюсь за нею к тем, для которых не безразлична судьба крошек, носящих имя деда-поэта, известное всей читающей России. Хочу верить, что мой призыв найдет отклик среди читателей нашей газеты. П. Милюков» (Последние новости. 1936. 24 окт. № 5692. С. 2).

¹⁰ Б. К. Зайцев и Шайкович познакомились в Келломяках (ныне — Комарово) 1 сентября 1935 года. В письме к И. А. Бунину, написанном в этот день, Зайцев сообщал: «Утром приехал сербский консул в Гельсингфорсе — „знакомиться“» (Зайцев Б. Собр. соч. Т. 11. С. 94). В конце сентября 1935 года Зайцев дважды выступал в Гельсингфорсе с лекциями.

75

1936. 22 января.¹ Полдень.

Дорогие и очень нами чтимые

Иван Степанович, — Дорогой и Любимый Наш, в Сербии и везде, — и Дорогая, весьма и очень, Валентина Петровна, сестра наша — Родная! — во Христе! — Наша Любимица Драгоценная — Draho — Кам! — Drahokám-Srbski-i-Vsiácheski² — Nash — Русский Наш — Совершенно же — Русский Самоцвет, — оба — Вы — Самоцветы — Яхонты, — только один Яхонт — Сафир — Σαφίρος³ — Голубой, Цвета Неба, Моря и — Океана. А Другой — Ведь в Вас Кровь Семиронская!⁴ — Черный — как — Глаза и — Волосы — Лилит — Первой Супруги Адама⁵ — 13 — Пчела — Апис⁶ — Пчела!

Ваш

К. Бальмонт.

<Приписка в верхней части листа:>

Утро. Вечер. — <Mi>tternacht — Nacht.⁷

Полночь. Полночь. — Mit —

Midnatt — Mid-Night — Media-Noche — Mezza-Notte⁸ —

С — Полдня — До — Полночи — и — С — Полночи —

До — Полдня и — Всегда — с Вами⁹

¹ В январе–феврале 1936 года Цветковская и Бальмонт гостили в городке Ла-Варенн-Сент-Илер (на Сене) у Е. А. и О. М. Богдановичей (оплачивая при этом свой «пансион»). «Переезд прошел вполне благополучно и пока все идет хорошо, — писала Цветковская М. Н. Аитовой (1876–1969), врачу-микробиологу и благотворительнице, немало помогавшей Бальмонтам в последние годы их жизни. — К<онстантин> Д<митриевич> очень счастлив, что покинул свое maison de santé, и всему рад и доволен очень — говорит: „Я блаженствую! Какое счастье, что я не там. Я счастлив, счастлив“. Он спокоен, тих и ласков. Уповаю, что это продлится» (BAR. Ms Coll. V. F. Seeler. Box 10). О том же Цветковская сообщала 31 января и В. Ф. Зеелеру: «К<онстантину> Д<митриевичу> за эти две недели стало несравненно лучше, чем было в санатории. Он спокоен, светлый и кроткий. К запретному не прикасается» (Там же).

² Драго<ценный> кам<ень>! — Самоцвет сербский и всяческий (србск., искаж.).

³ Сафир (греч.).

⁴ Семирон — область на юге Ирана.

⁵ Лилит — согласно средневековым еврейским текстам, первая жена Адама. С ее именем связан ряд легенд и преданий. В Священном Писании не упоминается.

⁶ Апис — священный бык в древнеегипетской мифологии.

⁷ Полночь — Ночь (нем.).

⁸ Полночь (на шведском, английском, испанском и итальянском языках).

⁹ В этом послании, как и в других подобных текстах, отражается болезненное состояние Бальмонта в 1935–1936 годах. Ср. заключительную часть его письма к И. С. Шмелеву от 7 августа 1936 года, написанную «в полудреме» и навеянную «улетающим ввысь» пением ангелов (Константин Бальмонт — Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения 1926–1936 / Сост., вступ. статья,

подг. текстов и комм. К. М. Азадовского, Г. М. Бонгард-Левина. М., 2005. С. 341). 16 января 1936 года Цветковская писала В. Ф. Зеелеру, навестившему Бальмонтов в Ла Варен: «...Вы видали Константина Дмитриевича в самый плохой за все время пребывания здесь день. Таким возбужденным, как тогда, он не был до тех пор ни разу. И „стихи“, что он читал, конечно, не стихи, а жуткие бредовые наваждения. Но в тот же вечер он отлично и совершенно правильным размером перевел одно чешское стихотворение. Поэтому я все же верю, что он сможет преодолеть „одолевающих его бесов“, как он сам выражается в минуты спокойного сознания и изумительно четкого виденья своего состояния» (BAR. Ms Coll. V. F. Seeler. Box 10). Ясно, что и данное письмо к Шайковичам, близкое к «бредовому наваждению», было написано Бальмонтом во время одного из таких «состояний».

76

Thiais.¹ — Seine. — 60–70, avenue Panhard, 60–70.
Villa «Thébaïde».²
1936. 10 сентября. 4 ч <аса> д <ня>.

Дорогой друг,
Иван Степанович, —

Где Вы? Благополучны ли Вы и Ваши? Хотел бы думать, что «Да», — боюсь, что «Нет». Иначе, верно, не молчали бы так долго.

Откликнитесь!

Шлю Вам несколько стихов своих и только что пропевшийся — «Я верю».³ Верю, что это «Я верю» Вы тотчас же перепоеете по-сербски,⁴ — и, может быть, пошлете юному королю Петру.⁵ Память Александра Незабвенного⁶ мы свято храним.

Очень прошу Вас об услуге. Я месяца 1½ тому назад писал Евгении Александровне Осиповой, послал ей стихи, ей посвященные, и другие, — посылал ей газеты с моими стихами, — ни ответа, ни привета. Не знаю даже, жива ли. Справьтесь, пожалуйста. Ее адрес прежний: — Terijoki, Käkösennpää, Villa Ossipoff.⁷ —

Мы живем в тихой ферме, среди деревьев и цветов. Наслаждаемся стихами, книгами, музыкой.⁸

Елена Константиновна шлет самые ласковые приветы Вам и дорогой Валентине Петровне, руки которой целую.

Хочется еще напомнить Вам один привет. В ночь с 22-го на 23 февраля прошлого года моя дочь Мирра писала мне: «Когда будете писать Шайковичу, передайте мой искренний привет, пожалуйста, ему и его жене и скажите, что я рада тому, что в нынешней смутной жизни есть еще такие люди и такие друзья, как он. А также такие рыцарские ревнители могучей и прекрасной, как Время, „Калевалы“, с которой с детских дней дружит мое сердце».

Милый брат мой дней сумрачных, отзовитесь поскорее и поподробнее!

Обнимаю Вас.

Ваш

К. Бальмонт.

Р. S. Ольга Александровна Шмелева скончалась от разрыва сердца 21-го июня.⁹

Р. P. S. Последняя весть от Вас была — Пасхальная открытка.¹⁰

¹ Тиэ или Тье — южный пригород Парижа (район Валь-де-Марн). Судя по некоторым письмам Бальмонта, поэт полагал, что по-французски пишется: Thiaïs и соответственно транслитерировал это название по-русски (Тиаис).

² Тиэ (Тье). — Сена. — 60–70, авеню Панар, 60–70. Вилла «Фиваида» (фр.).

³ Стихотворение Бальмонта («Я верю сербу, если он...»), посвященное «Другу и Брату Ивану Шайковичу». Публикация не выявлена; машинопись — в архиве Шайковича. Помета под стихотворением: «1936. 12-й ч <ас> у <тра>. Голубые просветы в небе. „Фиваида“». Приводим фрагмент этого стихотворения (с соблюдением особенностей оригинала):

Я верю сербу, если он
 Мне молвит слово — друга, брата.
 Людское сердце не богато, —
 Нас часто в этом ждет утрата.
 Но если серб сказал когда-то, —
 Горячим чувством захмелен, —
 «Мой брат!» — так это — без возврата, —
 До смерти длится этот сон, —
 И тут — не протрезвится он! <...>

Мы обнимались словно дети, —
 В Белграде ты мне молвил: «Брат!»
 И вот — как громовой раскат, —
 Как эха горного, стократ
 Пропевший звука пережат, —
 Тебе — мой тот же клик — назад!

Мы вряд ли в дружбе постарели,
 И ты, и я — и оба мы...
 Нет, в смутной облачной кудели,
 Средь вьюг, чей голос — возглас тьмы,
 Цветистых нитей много мы
 Захватным взором подсмотрели, —
 И против адской кутерьмы,
 Что мчит дыхание чумы, —
 Пою звучнее я свирели: —
 «Стяг Храбрых — Рыцарь Златоткан!»

Живи, мой Шайкович Иван!
 Всем — «Живио!», с кем дух твой слитен,
 Мой стих сверкает златобитен, —
 Мой серб! Я тоже дружбой пьян
 Я тем же духом обуян <...>

⁴ Судя по всему, Шайкович не стал переводить это стихотворение и тем более отсылать его королю Петру, однако в ответ написал собственное стихотворение «Веруем и ја», обращенное к «Незабравленом и свагда драгом другу Константину Бальмонту» (копия — в архиве Шайковича).

⁵ Петр II Карагеоргиевич (1923–1970) — старший сын короля Александра, последний король Югославии, правивший в 1934–1941 годах (формально — до 1945 года). Умер в США. Фактически с октября 1934 года страной управлял регентский совет из трех человек во главе с князем Павлом Карагеоргиевичем. В стихотворении «Я верю» Петру Карагеоргиевичу посвящены строки:

...Красивый, стройный,
 Отца-Героя — сын достойный,
 Среди опасностей спокойный, —
 Судьбой счастливою он дан
 Бесстрашной Сербии, к которой
 Всегда в мечте стремлю я взоры...

⁶ То есть короля Александра Карагеоргиевича.

⁷ См. прим. 4 и 5 к п. 3, прим. 2 и 3 к п. 8 и прим. 10 к п. 71.

⁸ «Тихая ферма» под названием «Фиваида» представляла собой госпиталь-санаторий (maison de santé) для престарелых людей. Бальмонт находился в «Фиваиде» с мая 1936 по январь 1937 года.

⁹ На смерть О. А. Шмелевой (урожд. Охтерлони; 1875–1936) Бальмонт и Цветковская откликнулись 8 июля 1936 года взволнованным письмом к Шмелеву (см.: Константин Бальмонт — Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения 1926–1936. С. 337–338).

¹⁰ «Пасхальная открытка» 1936 года не сохранилась.

Тиаис. 1936. 3 октября. Полдень.
Золото осеннего Солнца.

Дорогой друг мой
Иван Степанович,

Я не мог Вам сразу же отправить мои перепевы Ваших дивных стихов «В Отъединении»,¹ ибо у меня не было марок. Мы живем, очень перебиваясь, от дня до дня.

Большой для меня радостью были Ваши слова о том, как Вы и дорогая Валентина Петровна, вы оба почувствовали строки моего письма к Вам и строки моих стихов.² Мой стих к Вам³ среди моих знакомых, да верно уже и среди незнакомых, имеет огромный успех. Я дал и послал копии нескольким лицам, — и все одинаково от нашего стиха в восторге.

Когда я получил Вашу книгу,⁴ через несколько минут мое перо уже быстро бежало по листкам моей памятной книжки. И весь тот день, неотступно, Вы владели моей мыслью и моей душой. А в ближайшие после этого дни я написал два французские сонета к Филеасу Лебегу и сегодня два арабско-персидские зежеля,⁵ десятистрочия, к нему же, а между этими стихами целый ряд еще других, — копии всех пошлю Вам.⁶ Здесь прилагаю в двух экз<емплярах> Ваши стихи по-русски⁷ и «Дартингтона»,⁸ знаю, что он Вам и Вал<ентине> Петр<овне> понравится и, думаю, очень. Ваши стихи старался передавать с возможной дословностью, что, кажется, в общем мне удалось, кроме 3-х — 4-х стихотворений, где я невольно соблазнился тем богатым словесным материалом, который в сербском языке имеется для русского стиха, — и я его, конечно, использовал, — думаю, без ущерба для Вас и Поэзии.

Хочу просить Вас — более четкий экземпляр отослать от моего имени Петру Мойсеевичу Пильскому⁹ в «Сегодня», сопроводив посыл Вашу заметку, строк в 20–25, с рассказом, как они возникли, эти стихи, — с точным упоминанием и об утопленнике, и обо всем пейзаже.¹⁰ Редакция будет польщена и не будет отговариваться неимением места. А сербская и русская чувствительность к Северу явится в полном блеске.¹¹

Шлю Вам также «Скорлупку»,¹² — чтоб улыбнулась Ваша девочка, о которой Вы молчите.¹³

С нетерпением буду ждать Ваших подробных слов о стихах и о Вас. Привет от меня и Ел<ены> Конст<антиновны> Валентине Петровне и Вам.

Сердцем Ваш

К. Бальмонт.

¹ «В отъединении» — цикл стихов Шайковича, переведенных Бальмонтом (в печати не появлялся; машинопись сохранилась в архиве Шайковича). Состоит из двенадцати коротких стихотворений: «Полет», «Надежда», «После мрака», «Сквозь сны», «За жаворонком», «Край озера», «Дано — добыто», «Вечер», «Струна», «Костер», «Осенний иней», «Плакучие ивы». В конце цикла: «1936. 23 сентября. 10 ч<асов> у<тра>. Дымка. 10 ч<асов> н<очи>. Музыка. Тиаис. Просветленные мгновения». Стихотворения «Полет», «Дано — добыто» и «Край озера» были написаны Шайковичем еще в 1930–1931 годах (см. прим. 7 и 9 к п. 7; прим. 4 и 5 к п. 13). См. также прим. 6 к данному письму.

² «Были и счастливые дни в нашей жизни, были и радостные, — писал Шайкович Бальмонту 18 сентября 1936 года, — но один из самых радостных <так!> останется тот, когда мы получили Ваше письмо с целым букетом прекрасных цветов-стихов. Я заплакал от радости, Валентина Петровна сперва онемела, потом радостно кликнула: Бальмонт?! Вот и теперь перед мною на столе Ваши строки, стихи, засушенные цветочки — прекрасная явь. И точно я только что вышел из кошмарного сна, стянутая моя грудь снова глубоко задышала, и я вижу — Солнце. Я вижу тихую улыбку дорогого друга Константина Дмитриевича, протянувшего руку к ярким цветочкам осеннего <так!> сада... Как засверкали Ваши стихи, дорогой поэт! Какая свежесть, какая ширь. Вот что значит вечно молодой дух!»

³ Имеется в виду стихотворение «Я верю» (см. прим. 2 и 3 к п. 76).

⁴ Вероятно, имеется в виду стихотворный сборник: *Шайкович И. У самовау. Хелсингфорс: Штампарија «Литера», 1936.*

⁵ Жежелъ (*исп.* zéjel; *фр.* zadjal) — средневековый жанр арабской любовной лирики, получивший развитие в Испании и Португалии.

⁶ «Два французские сонета», «Десятистрочия», как и «целый ряд» других стихотворений, упомянутых в этом письме, в архиве Шайковича не обнаружены.

⁷ Имеются в виду стихи Шайковича, переведенные Бальмонтом (1936).

⁸ «Дартингтон» — стихотворение Бальмонта (публикация не выявлена), навеянное статьей кн. С. М. Волконского «Дартингтон (о школе Курта Йосса в Англии в Девоншире)» (Последние новости. 1936. 12 сент. № 5650. С. 5). Машинопись сохранилась в архиве Шайковича; под стихотворением — помета: «29 сентября. 12 ч<асов> в<ечера>. Музыка. 30 сентября. 12 ч<асов> д<ня>. Дымка. Тиас». Дартингтон представлял собой частное поместье супругов Эльмхерст, в котором они создали в 1920-е годы своего рода «мини-государство» — с текстильными фабриками, лесопильней, птицеводческими фермами и проч. Были открыты также разного рода учебно-воспитательные заведения (от детского сада до технической школы), танцевальная школа, театральная студия и т. п. «Любопытно отметить — рассказывал Волконский, — что первая мысль о таком „поместье“ пришла ему <Эльмхерсту> в голову в Индии, когда он посетил Рабиндраната Тагора — это как бы сколок с имени знаменитого индусского поэта и мыслителя, находящегося к северо-западу от Калькутты». Пробыв в Дартингтоне две недели, Волконский чувствовал себя, по его словам, «в какой-то блаженной стране, где сливаются воедино польза и красота». Йосс Курт (1901–1979) — немецкий балетмейстер и педагог. В 1933 году бежал из Германии; до 1949 года жил и работал в Англии (руководил танцевальной школой в Дартингтоне).

⁹ Пильский Петр Моисеевич (Моисеевич, Мосеевич; 1879–1941) — критик, публицист, беллетрист. Один из основных сотрудников газеты «Сегодня» (с 1921 по 1940 год). Высоко ценил творчество Бальмонта и неоднократно писал о нем.

¹⁰ В своем письме от 18 сентября 1936 года Шайкович рассказал Бальмонту историю возникновения отдельных стихотворений («цветков»), включенных в цикл «В отъединении»: «В июне финское правительство из благодарности за перевод „Калевалы“ предложило мне и жене бесплатный проезд по Финляндии. Я — не имеющий отпуска уже 7 лет — покинул канцелярию на месяц и уехал с женой в Печенгу, 1500 километров на Север от Хельсингфорса, почти 500 к<ило>м<етров> за Полярный круг. В девственный край, через тундры, иногда через оазисы прекрасных лесов, мимо голубых озер, бушующих водопадов, в страну оленей, лососов <так!>, форелей. В страну нарядно, пестро одетых лапонцев <так!> с сияющими глазами и улыбками загадочными, как северное сияние, знающих какие-то далекие от нас тайны... <...> Потом по прекрасной автомобильной дороге доехали мы до самого конца, до соленых, хрустально <так!> чистых вод Ледовитого океана, над которым поднимаются хмурые, острые, голые скалы, точно говорящие: „Здесь конец“. И, странно-символически, почти на моих глазах, холодные волны выбросили объединенный человеческий труп, голый, с распоротым брюхом, без ног, без рук. „И трупов человеческих не хотим“, — отплывывали волны. А „он“ кто был? Не русский ли, которому ныне все „двери“ закрыты. Недалеко от этого трупа я омылся в соленой воде (смерть и жизнь всегда по соседству), собрал камышков <так!> на память, а потом на берегу собрал несколько осиротелых цветков, из которых и Вам посылаю».

¹¹ Публикация не состоялась. (Очевидно, Шайкович не последовал совету Бальмонта.)

¹² Стихотворение Бальмонта, сохранившееся в архиве Шайковича (машинопись). Публикация не выявлена. Под стихотворением — помета: «1936. 17 сентября. 12 ч<асов> у<тра> Золотое Солнце. В саду. Тиас».

¹³ Первое упоминание об Оливере в письмах Бальмонта. Видимо, он узнал о ее существовании лишь в 1936 году из открытки или письма (копия отсутствует в архиве Шайковича), в которых Шайкович сообщил имя и даже увлечения юной Оливеры. Ср. упоминание в следующем письме о «начинающей художнице».

78

Тиас. 1936. 24 декабря. Сумерки.

Дорогие друзья, Иван Степанович и Валентина Петровна,

Еще месяц тому пришел пакет,¹ в котором, «по приказу Папы и Мамы», Лива² вложила 50 фр<анков>. Спасибо. Хотел тотчас писать, но был удержан, друг, Вашими словами, что вдвойну идет подробное письмо. Но, верно, оно погналось в Мировое Пространство за неисполненными обещаниями и несбывшимися намерениями.³ А сегодня утром новый пакет и новые 50 фр<анков>. Двойное спасибо, верные заботники.

Начинающей художнице шлю ее венчальный стих.⁴ А Вам, милый брат и дорогая сестра, шлю несколько стихотворений.⁵ Надеюсь, что наконец напишете нам подробно на Новоселье: 4-го января мы уезжаем в другое обиталище: Noisy-le-Grand. Seine et Oise, — 26, avenue Chilpéric, 26.⁶ Там не будем голодать. Обнимаем, целуем.

Ваши

К<онстантин> и Ел<ена> Бальмонт.

¹ Содержимое «пакета» в точности не известно (видимо, книги, письма и т. п.).

² Шайкович Оливера (1931–2018) — дочь И. С. и В. П. Шайковичей; художница. Ср. прим. 42 к вступ. статье.

³ Следующее письмо Шайковича к Бальмонту от 6 января 1937 года начинается с объяснений причин, по которым «подробное письмо», которое он собирался написать «в тот же день», пришлось отложить.

⁴ К письму была приложена открытка, адресованная «Юной художнице Ливе Шайкович»:

Тиаис. 1936. 24 декабря.

Да будет Лива
Всегда счастлива!
Все с папой, с мамой,
Пока не станет
Красивой дамой!
Тут вдруг предстанет
Ее жених, —
Он нежно взглянет
И звучно грянет
Венчальный стих!

К. Бальмонт.

По поводу этого «венчального стиха» Шайкович отвечал Бальмонту 6 января 1937 года: «Ливочка в восторге от стиха дяди-Бальмонта, но возразила: „Хотя и буду красивой дамой, всегда останусь с папой и мамой. Пусть дядя-Бальмонт так и знает“».

⁵ Видимо, Бальмонт отправил Шайковичу несколько стихотворений, написанных в октябре–декабре 1936 года в Тиэ: «Умиротворение» («Спокойный дух исходит от полей...»), «Девушка-молния» («Девушка — молния, буря, зарница...») и цикл из двух сонетов под названием «В сумерках»; машинописи этих стихотворений сохранились в архиве Шайковича. В письме от 6 января 1937 года Шайкович благодарит Бальмонта: «Большое Вам спасибо, дорогой друг, за присланные мне стихи и Ваши, и мои. <...> Головокружительна Ваша „Девушка-молния“». Слова «и Ваши, и мои» позволяют предположить, что Бальмонт присоединил к этим стихам свои новые переводы из Шайковича.

⁶ Нуази-ле-Гран, Сена и Уаза, авеню Шильперик, 26 (*фр.*). По этому адресу находился приют для выздоравливающих туберкулезных больных, открытый в мае 1936 года по инициативе матери Марии (Скобцовой), Ф. Т. Пьянова и др. и получивший впоследствии название «Русский Дом». Бальмонт и Цветковская проживали здесь с января 1937-го до середины сентября 1938 года, а затем переехали на ул. Руже де Лилия (там же, в Нуази-ле-Гран).

79

Noisy-le-Grand, S<eine et> O<ise>
26, av<enu> Chilpéric, 26.

Нуази. 1937. 4 февраля.

Дорогой друг Иван Степанович,

Хвала Вам, неутомимо ведете Вы свою линию. Каждая новая Ваша работа показывает с четкостью, что времени Вы зря не теряете, а пока Мир творит, делаете и Вы

свое творческое дело. Написал я несколько строк, — больше-то нельзя, — о Вашей доле чествования памяти Пушкина.¹ Посылаю одновременно эти строки Вам и Н. К. Кульману.² Надеюсь, он напечатает это в имеющей появиться вскорости одновременной³ газете «Пушкин».⁴ Хотел бы что-нибудь послать и в «Последние Новости». Но Вы знаете, у Вас там есть благоприятель памятный в лице Милюкова.⁵ Мой «Лист Анчара»⁶ не удосужились напечатать за целый месяц.

Стихов новых я почти совсем не пишу. Буду теперь ожидать из Харбина корректур моего «Светослужения».⁷ Дни серые, тусклые. Мысли дремлют.

Наши сердечные приветы Вам, дорогой друг, Валентине Петровне и милой Ливе. Братски обнимаю Вас.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ В заметке, озаглавленной «Югославия — Пушкину», Бальмонт писал: «Еще полгода тому назад он <Шайкович>, на свой счет, издал два свои превосходные перевода пушкинских поэм „Полтава“ и „Медный всадник“. К этим юбилейным дням памяти Пушкина он только что выпустил отличный перевод „Моцарта и Сальери“ и небольшой сборник „Из Пушкинской лирики“. Все переводы Шайковича свидетельствуют о его внимательном, глубоком проникновении в тонкие оттенки пушкинского стиха и творческом умении перелить русский подлинник в сербский стих». В качестве иллюстрации того, «как умеет Ив. Шайкович отобразить русский стих в сербском», приведено было пушкинское стихотворение «Эхо». «Зеркально чистое отражение, — резюмировал Бальмонт. — Глянeshь, и в душе твоей кристальная чистота и тишь» (Пушкинъ 1837–1937. С. 3; см. ниже прим. 4). О поэме «Полтава», переведенной и напечатанной Шайковичем в Гельсингфорсе в 1935 году, см. прим. 7 к п. 71; о переводе «Медного Всадника» сведений не имеется (видимо, ошибка Бальмонта). О публикации перевода пьесы «Моцарт и Сальери» и сборника «Из Пушкинской лирики» см. прим. 3 к п. 80. Помимо этих произведений Пушкина, Шайкович перевел и опубликовал также «Скупого рыцаря» (Пушкин А. С. Витез Тврдица / Превео Иван С. Шайковић. Хелсинки, 1937; с предисловием и примечаниями переводчика).

² Машинопись этого текста сохранилась в архиве Шайковича. Помета под текстом: «1937. 4 февраля. Noisy-le Grand». Текст «Эха» приведен Бальмонтом в оригинале и переводе Шайковича (в газете «Пушкинъ» русский оригинал отсутствует).

³ Видимо, описка Бальмонта. Следует: однодневной.

⁴ Однодневная газета «Пушкинъ 1837–1937» была издана Комитетом по устройству Дня русской культуры во Франции; редактором выпуска, в котором приняли участие русские писатели и ученые (И. А. Бунин, П. Н. Милюков, П. Б. Струве, С. Л. Франк, М. Цветаева, И. С. Шмелев и др.), а также французские слависты (Ж. Легра, А. Монго и др.), был Н. К. Кульман (см. о нем прим. 2 к п. 6). Газета вышла в феврале 1937 года.

⁵ См. п. 35 и прим. 5 к нему.

⁶ Стихотворение Бальмонта «Лист Анчара» опубликовано в «Последних новостях» (1937. 17 июня. № 5927. С. 3) рядом со статьей Г. А<дамовича> «70-летие К. Д. Бальмонта»; вошло в последний сборник Бальмонта «Светослужение» (Харбин, 1937). Дата под стихотворением: «1936. 29 сентября».

⁷ Сборник «Светослужение» был напечатан осенью 1937 года; переиздан в 2005 году в Воронеже.

Дорогой друг
Иван Степанович,

Спасибо Вам сердечное за щедрый дар. Половину его я отдал Елене на текущие наши нужды, а половину она повезла сейчас, от Вас и дорогой Валентины Петровны,

нашей злополучной дочери Мирре, в «Maternité»,¹ где у ней <так!> только что родилась <так!> третья дочь Ольга. Вот ее последнее стихотворение, полное, румяное и крикливое.²

Дня 2–3 тому назад я послал Вам немногие свои Слова о двух прелестных Ваших пушкинских книжках.³ Еще раз Вам спасибо за них. Я думаю, что мало-помалу Вы соблазнитесь и почти целиком переведете творения нашего бессмертного Баяна. Это останется на веки веков лучезарным знаком союза Югославии с Россией.

Не помню, посылал ли Вам «Памяти Пушкина»⁴ и «Лист Анчара».⁵ Прилагаю.

Вся Земля сейчас славит Пушкина. Где-то теперь он?

Лучшие наши чувства Вам и дому Вашему.

Всегда Ваш

К. Бальмонт.

¹ Родильный дом (фр.).

² Очевидно, что речь идет о ребенке.

³ Имеются в виду: *Пушкин А. С.* Моцарт и Салијери / Превео Иван С. Шайкович. Хелсинки, 1937; Из Пушкиновой лирики / Превео Иван С. Шайкович. Helsinki: Raittiuskasan Kirjapaino Osa-keuhio, 1937 (первая книга содержала также написанное Шайковичем предисловие, а вторая — его примечания). См. также прим. 1 к п. 79.

⁴ Цикл «Памяти Пушкина» состоит из четырех стихотворений (сонетов); дата под экземпляром в архиве Шайковича: «1936. 24–25 октября». Три стихотворения этого цикла (опущено стихотворение «Как иве хочется печали...») опубликованы в однодневной газете «Пушкинъ 1837–1937» (с. 7). Весь цикл полностью — в сб. «Светослужение».

⁵ См. прим. 4 к п. 79.

81

Noisy-le-Grand, S<eine et> O<ise>, —
26, av<enue> Chilpéric, 26.
1937. 30 марта.

Дорогой друг
Иван Степанович,

Большое Вам спасибо за подробное, ласковое письмо и за щедрый братский подарок, весьма нас подкрепивший. Грустно знать, что в родной стране, в Сербии, у Вас столько врагов. Но ведь ничтожные все это люди. Не стоит много о них думать. Главное зло — в безусловно подлой душонке А. Б<елича>. И жаль бедных крестьян Югославии, кровные деньги которых он растрчивает так бессмысленно.¹ Вам же слава, что Вы деятельны и бодры.

От Ел<ены> К<онстантиновны> и меня лучшие приветы Вам, друг, Валентине Петр<овне> и милой Ливе.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Весь предыдущий пассаж — реакция на раздраженное письмо Шайковича от 21 марта 1937 года: «Мои белые книжечки с ликом дорогого Пушкина разошлись по всей Югославии, но их встретили недружелюбно наши шарлатаны-поэты и шарлатаны-критики. Дело в том, что прославляющий себя где и как может Белич имеет, как говорят, казенных денег несколько миллионов на прославление Пушкина, но он не имел никакого литературного материала. Он не хотел вспомнить обо мне и моих переводах, а нашел всяких бездарников, которые ничего путного не могли сделать. В журналах стали появляться отвратительные „переводы“ Пушкина от каких-то русских, не знающих сербского языка (Тарановский, Захаров и пр.), и от какого-то серба Пешича, не имеющего понятия, что такое поэзия. И вдруг появились мои белые книжки. Сделался

настоящий переполох. „Сербский книж<ный> гласник“ — будто „лучший сербский литературный журнал“ — без спроса и ведома моего перепечатал (рядом с «переводами» этих Пешичей, Тарановских и пр.) мой перепев „Анчара“, но выбросив некоторые слова совсем, а некоторые заменив произвольно. Это с явной целью, чтобы показать своим читателям, что мои переводы не лучше их переводов. Пришлось мне дать заявление через газету „Политика“, что все случилось без моего ведома. Вот какие дела у нас! Говорят, что Белич хочет на миллионы денег бедного сербского народа воздвигать памятник в Югославии (наверно, в Белграде) Пушкину. Какой скандал! Это делается тогда, когда мы еще не имеем памятника Вука Караджича, создавшего наш язык и литературу и собравшего как наивысшую нашу национальную ценность — народную поэзию! Вот как подлецы поступают. Памятник Пушкину в Сербии, а бедный переводчик Пушкина на сербский печатает свои переводы, задалжаясь <так!> у типографии. Пушкин сам себе создал памятник, а наше дело было воспринять Пушкина духом, а не выманивать миллионы от сербского бедного поселянина на гранит и бронзу. Но подлость есть — подлость. Белич этим создает „памятник“ больше себе, чем Пушкину...». Упоминаются: Кирилл Федорович Тарановский (1911–1993), Е. Захаров (наст. имя и фамилия — Лев Горевич Захаров; 1903–1975), Миодраг М. Пешич (Пешић; 1897–1979) и Вук Стефанович Караджич (Караџић; 1787–1864), а также выполненный Шайковичем перевод пушкинского стихотворения «Анчар» (Српски књижевни гласник. 1937. Т. 50. № 4. С. 263–264). Отзыви и оценки Шайковича, разумеется, пристрастны и вызваны прежде всего обидой на А. Белича, не желавшего признать его заслуг как переводчика Пушкина.

82

Noisy-le-Grand, S<eine et> O<ise>, —
26, av<enue> Chilpéric, 26.

1937. 17 мая.

Дорогой друг, Иван Степанович, запоздалое русское «Христос Воскресе!» Наш троекратный поцелуй Вам, дорогой Валентине Петровне и милой Ливе. Здоровы ли Вы все? Давно нет от Вас вестей. — У нас ничего нового, — однако, три дня тому, в Париже, когда, провожаемые Миррой, шли к метро, в дождливом тумане налетел на нас раскатившийся автомобиль, подмял нас и протащил несколько. Я отделался легким ушибом и испугом. А бедные Елена и Мирра зашиблись сильно, и несчастные их чулки и платья были разорваны. Несчастье, но и чудо. Могло кончиться хуже, даже и смертью.¹ — Отзовитесь, как Вы? Обнимаем Вас.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Об этом событии Бальмонт подробно рассказал в своем письме к В. В. Оболянину 21 мая 1937 года (см.: Письма К. Д. Бальмонта к В. В. Оболянину / Вступ. статья, публ. и прим. П. Куприяновского и Н. Молчановой // Вопросы литературы. 1997. № 3. С. 335). «Жутко нам было читать о том, что случилось с Вами и Вашими в Париже, — откликнулся на это Шайкович в письме от 25 мая 1937 года. — Слава Богу, что не было хуже. Мерзкая городская сутолока. А что будет теперь в Париже во время выставки» (имеется в виду Всемирная выставка, открывшаяся 25 мая 1937 года и длившаяся ровно шесть месяцев).

83

Noisy-le-Grand, S<eine et> O<ise>, —
26, av<enue> Chilpéric, 26.

1937. 2 июня.

Дорогой друг Иван Степанович,

Спасибо Вам большое за ласковое письмо и щедрый дар, очень нас подкрепивший в наших бедах.¹ Большое спасибо.

Но мы в ужасе на Ваше новое переселение. Куда? Вы не сообщаете нового Вашего адреса. И почему? Вам не платят, и приходится сжиматься? 85 ящиков с книгами! Каждую книгу Вы вытерли и уложили сами.² Ну и силушки Вам послал Господь Бог. На другое бы ее нужно применять.

Посылаю Вам «Круговорот минут».³ Мне кажется, все эти строки я уже Вам писал. Но ведь и соловей, и жаворонок, и каждая птица поет свою песню каждый раз одинаково и все же переиначивая. Знаю, что пропелись эти строки искренно. Оба мы, и я, и Ел<ена> К<онстантиновна>, шлем Вам, дорогой Валентине Петровне и милой Ливе наши наилучшие приветы.

Всегда Ваш

К. Бальмонт.

P. S. Боюсь, что это письмо не сразу дойдет до Вас. Прошу, ответьте возможно скоро.

¹ См. прим. 2 к п. 84.

² 25 мая 1937 года Шайкович сообщил Бальмонту: «...Покидаем квартиру с 85 ящиками книг, которые упаковываю только я один...».

³ Стихотворение Бальмонта, посвященное Шайковичу и ранее не публиковавшееся. Приводим его полный текст:

КРУГОВОРОТ МИНУТ

Другу моему и брату,
Ивану Степановичу Шайковичу

1.

Томят созвучия тягучие,
Ползет предутренний туман.
Но мысль встает, меня не мучая,
Как песня вешняя, певучая:
Есть друг мой, Шайкович Иван.

2.

Зов звучит к тебе единый
Голубицы Валентины.
Дружный с ним, но словно в споре,
Чуть строптивый, говорливый,
Как волна с волною в Море,
Ива с ивой в разговоре,
Голосок счастливой Ливы.

3.

Проснусь ли я перед рассветом,
Мне сердце мучает истома.
Но также радость мне знакома:
Со звуком звук, поэт с поэтом,
Хоть мы и порознь в мире этом,
Душа в душе, мы вместе, дома.

4.

Круговорот минут —
Колодец, и бездонный.
Ты — в дальнем там, я — тут,
Но мысли — светлый жгут,
Слова журчат, текут.

Мы оба — стих созвонный,
Гимн, к Солнцу вознесенный.

5.

Полночь и полдень, и сумрак, и день,
Все исчезает, как призрак, как тень.
Что не исчезнет нигде, никогда, —
Мысль о любимых, чей взор — как звезда,
Ласка желанной, содружной руки,
В темную ночь — огоньки, светлячки.

К. Бальмонт.

Noisy-le-Grand, S<eine et> O<ise>, —
26, av<enue> Chilpéric, 26.
1937. 1 июня.

84

26, av<enue> Chilpéric, 26.
Noisy-le-Grand, S<eine et> O<ise>
1937. 22 июня

Дорогой и чтимый друг мой
Иван Степанович,

Вы опять, хоть сами Вы в таких сложных трудностях, ободрили и поддержали нас в наших затруднениях и ласковым письмом, и щедрым братским даром.¹ Хотя Вы и прещаете благодарить Вас, сердце в этом не хочет Вам слушаться, ибо оно полно признательности. Большое Вам спасибо.

И меня, и Елену Константиновну глубоко поразило постигшее Вас злосчастие. По предыдущему Вашему письму думали мы, что Вы просто переезжаете на другую, более скромную, но достаточно хорошую и просторную квартиру. А жить врозь с своими любимыми, с дорогой Валентиной Петровной и милой Ливочкой, все дорогие вещи и книги упрятавши в пыльные и сырые подвалы склада, — ведь это жуть! И с каким спокойствием Вы говорите об этой огромной беде.² Мы любим Вас, мы обнимаем, целуем и любим Вас.

Некоторые строки Вашего письма прозвучали особенно ласково в моем сердце. Шлю Вам стих «Божье дитя».³ Быть может, все эти слова я Вам уже говорил? Или только в полусне звучали во мне эти строки? Не знаю. Знаю лишь, что тут биение моей сердечной крови.⁴

Елена Константиновна шлет лучшие свои чувства — Вам, дорогой Валентине Петровне и милой Ливочке. Я присоединяю свои приветствия.

Сердцем Ваш

К. Бальмонт.

Р. S. Евг<ении> Ал<ександ>р<овне> Осиповой я написал, что Вы хотите ее навестить.

¹ Имеется в виду письмо Шайковича от 15 июня 1937 года и приложенный к нему денежный перевод.

² В письме от 15 июня 1937 года, высказывая благодарность своему другу «за добрые дружеские слова и сочувствие», Шайкович сообщал: «С нами дело обстоит теперь так: меня три года обнадёживали и обещания не исполнили. Чтобы лучше репрезентировать свою страну, я содержал большую красивую квартиру, на которую приплачивал от своего и иначе скудного жалованья.

Теперь, после три года <так!>, решил покончить с этим безобразным положением, но, конечно, получилось не лучшее. Мебель из семи просторных комнат и больше 80 ящиков книг ушли в лагерь <т. е. на хранение. — К. А.> — в подвал. Валентину Петровну и Ливочку послал в Териоки. Для канцелярии я нанял в центре города 2 комнаты и для меня, для ночевки, 2 комнаташки. Все мои рукописи и любимейшие книги — в подвале. Конечно, чувствую себя заживо погребенным. В Белграде „друзья“ об этом знают и — молчат. Во что бы то ни стало надо ехать на родину, чтобы окончательно решать дальнейшую судьбу. Не знаю, удастся ли эта поездка в сентябре... Работа при ликвидации квартиры сильно отразилась на моем здоровье — при всей моей действительно большой физической силе получилась какая-то отравка мускул. Но я еще не намерен сдаваться...».

³ Стихотворение посвящено И. С. Шайковичу; приводим его полный текст:

БОЖЬЕ ДИТЯ

Посвящается Ивану Степановичу Шайковичу.

Ты мне тихонько говоришь,
 Что дышишь гроздом ты сирени, —
 И в сердце я качаю тишь,
 И стройные лелею тени.
 Ты говоришь, что стоит жить,
 Дыша ночной фиалкой, любовью, —
 И сердцу любо ворожить,
 Притихшей замирать голубкой.
 Ты злою угнетен Судьбой,
 Колдующей враждебной мочью.
 Но ты — как вечер голубой,
 Венчающийся с звездной ночью.
 Ты — Божье доброе дитя,
 Цветок волшебный златоока,
 Ты раскрываешься, блестя,
 Люблю тебя и чту глубоко.

К. Бальмонт.

Noisy-le-Grand, S<eine et> O<ise>, —
 26, av<enue> Chilpéric, 26.
 1937. 22 июня. Полдень.

⁴ «...Я застал в Гельсингфорсе Ваше милое письмо с прекрасными стихами „Божье дитя“, — писал Шайкович Бальмонту 7 июля 1937 года, вернувшись из поездки в Териоки. — Далеко я не заслужил эти прекрасно-сверкающие слова, ласковые и добрые, но все же с радостью принимаю, и с благодарностью, этот Ваш драгоценный подарок».

85

26, av<enue> Chilpéric, 26.
 Noisy-le-Grand, S<eine et> O<ise>.
 1937. 13 июля.

Дорогой и чтимый друг мой
 Иван Степанович,

Спасибо Вам за сердечное и живописное письмо о посещении Е. А. Осиповой и за щедрый, братский дар. Вы так живо и ярко рассказываете о встрече с бедным безумцем, братом Тани, Витей, что я вижу его, с испуганными оленьими глазами. Бедный он и бедная Евгения Александровна. Новый трагический удар, — наследственная скоротечная чахотка, — близок, и вряд ли его можно отворотить.¹

То, что Вы рассказываете об овладевшем юношею демоне кощунства хорошо мне известно и памятно, хотя бы по гениальным и страшным рассказам Тургенева и Достоевского. У Тургенева, лишенного утешения религии, все озарявшей у Достоевского, описания этого безумия, пожалуй, еще страшнее.

Но все это, однако, может и волшеббно пройти. У меня, представьте, рождается мысль, что тут чудесной волшебницей-целительницей могла бы явиться чистая сердцем и такая поэтическая девочка, как Ваша дочка Лива, к которой, наверно, этот юноша почувствовал магически-мистическое влечение. Интересно мне знать, угадал я или нет. Думаю, что «да». Детям много дано. А такому редкостному Божьему дитяти, как Лива, и подавно.

Елена Конст<антиновна> спрашивает Вас, дорогой: «Что было бы, если бы мы вздумали переселиться в Сербию, на Адриатику? Говорят, там вечное лето и жизнь баснословно дешева». Что Вы могли бы в этом смысле сказать и посоветовать?» (Я лично думаю, что такой переезд немыслим, — ведь мы же полунищие).

Я счастлив, что Вам так люб мой стих «Божье дитя».² В нем есть то, что Вы невольно и сильно дарите мне: счастье брата — любить благородного брата.

Ласковые приветы от меня и Елены Константиновны Вам, светлый друг, дорогой Валентине Петровне и милой Ливочке.

Искренно Ваш

К. Бальмонт.

¹ В конце июня 1937 года И. С. Шайкович провел несколько дней в Териоках и Куоккале, где у него оставался дом. Вместе с Валентиной Петровной он навестил семью Тани Осиповой. Вернувшись в Хельсинки, Иван Степанович подробно рассказал Бальмонту об этом визите (письмо от 7 июля): «Вот Вам цветочки из мистического сада Осиповых. В этом зачарованном углу, где Вас так искренне и хорошо любят, веет живой загадкой. Там слышны какие-то невидимые крылья. Мы с Валентиной Петровной долго ходили по заброшенным тенистым аллеям сада и никого не видели, пока за кустом не явился юноша с сияющими „нездешними“ глазами. Он, как испуганная лань, хотел спрятаться от нас, но ему не удалось. Кивнул головой и ушел опять за кусты, казалось, что он уходит доложить о нашем прибытии. Через некоторое время явилась невестка с двумя детьми — хрупкой, напоминающей бабочку Зоей (не ошибаюсь ли в имени?) и не гармонирующей с Осиповской семьей, необыкновенно хрупкой и здоровой Оличкой, которая, кажется, и весом, и ростом над старшей сестрицей... Мы были очень ласково встречены и Евгенией Александров<н>ой. Много беседовали о Вас. За стол, к нашему удивлению, присел и тот юноша пугливый. Он красив, с втянутой в плечи закинутой назад головой, с глазами, полными горячки, с розами на щеках... Он как-то тихо, скрытно улыбался, ничего не говоря. Мать мне объяснила, что он, благодаря сильному переутомлению, покинул школу на год и что, когда поправится, будет продолжать. Потом я от посторонних узнал другое: он был очень талантливый ученик, но — странный. Он с гордостью говорил школьным товарищам, что не боится выплюнуть причастие, и так и делал. Бедный, бедный мальчик! Как бы я хотел оказать ему помощь — но что и как. Надеюсь на днях опять поехать к своим и побудем опять у Осиповых. Поинтересуюсь этим мальчиком ближе, если удастся. Дело деликатное, а Евгения Александровна тонкая натура — боюсь затронуть ее горе, не убить бы бабочку. Такова жизнь, дорогой друг. Много песней <так!> и много слез. Хорошо только, когда и слезы — песни». Упоминаются: Зоя (дочь Андрея Петровича, старшего сына Осиповых) и Ольга, дочь Осиповых (даты жизни не известны), а также их младший сын Виктор Петрович Осипов (?–1970). Зинаидой звали также одну из дочерей Е. А. Осиповой, умершую в 1922 году (см.: <http://terijoki/spb.ru/photos/index.php?/category/1004>; дата обращения: 31.07.2019). За помощь и консультации приношу благодарность Е. М. Травиной и Е. А. Браво.

² См. прим. 3 к п. 84.

86

26, av<enue> Chilpéric, 26.
Noisy-le-Grand, S<eine et> O<ise>

1937. 21 сентября.

Дорогой друг
Иван Степанович,

Куда Вы пропали? Давно-давно нет от Вас никаких известий.¹

Как Вы? Как дорогая Валентина Петровна и милая Лива?
Мы живем очень грустно и не выходим из дождей и холодов.

Жизнь протекает однозвучно,
И утомительно, и скучно.
Довей мне грезу по лучу,
В душе проснется радость звучно,
Глядишь, и песней прозвучу.²

Весь Ваш

К. Бальмонт.

Р. S. Елена Конст<антиновна> шлет Вам и Вашим сердечные приветы.

¹ Имеется в виду письмо от 7 июля 1937 года — последнее из сохранившихся писем Шайковича к Бальмонту.

² Настроение этого письма отражает душевное состояние Бальмонта в 1937 году. «...Вот уже месяца 4, — писала Цветковская Уне Бай 11 июля 1937 года, — как он такой грустный, бесшумно безрадостный, и это меня ужасно терзает» (РГАЛИ. Ф. 57. Оп. 3. № 87. Л. 1). А в сентябре–октябре 1937 года Бальмонт страдал от болезни глаз. «Бедного Поэта тоже посещал недуг, — сообщала Цветковская У. Бай 14 ноября 1937 года, — заболели глаза от переутомления, а ему представилось, что он теряет зрение, и мы пережили несколько недель безумных тревог и тоски. Опасения были, к счастью, совсем неосновательны. Но все же полтора месяца Поэт не мог ни читать, ни писать и лишь две недели, как снова, хотя и с осторожностью, начал читать» (Там же. Л. 2). Уне Бай — театральное имя литовской актрисы, режиссера и переводчицы Уне Бабицкайте-Грайчюнене (1897–1961), жены поэта-переводчика Йонаса Грайчюнаса (1903–1994). Оба — жертвы сталинских репрессий.

87

26, av<enue> Chilpéric, 26
Noisy-le-Grand, S<eine et> O<ise>

1938. 11 марта

Дорогой друг
Иван Степанович,

Целую вечность нет от Вас вестей. Благополучны ли вы и дорогая Валентина Петровна, и милая Лива-Олива? И где Вы? В Сербии, в Суоми или — у Северного Полюса? Откликнитесь!

Если весть придет оттуда,
Где Всеславии поэт,
Это снова будет чудо,
Светлый сон и нежный бред.

Вам и Вашим милым от меня и Елены Константиновны — ласковая память, любовь и поцелуи.

Всегда Ваш

К. Бальмонт.